

DOI: 10.31857/S032103910011519-3

СЕМЬИ РАБОВ И SENATVS CONSVLTVM CLAVDIANVM 52 г.

М. В. Дурново

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3842-4194

Автор рассматривает SC Claudianum 52 г. как средство, служившее для правового оформления имущественных отношений, которые возникали между господином обладавшего солидным пекулием раба и семьей такого раба в том случае, когда в состав этой семьи входили лица со статусом свободных (*liberi*). Итоговый вывод состоит в том, что основная задача SC Claudianum заключалась в защите имущественных прав рабовладельцев, а не их власти и авторитета, однако речь при этом должна идти о защите прав рабовладельца не на детей его рабов, а на пекулии таких «семейных» рабов. Выражалась эта защита в признании обоснованным стремления господина завладеть потомством и имуществом семьи своего раба, а осуществлялась она посредством изменения правового статуса членов этой семьи.

Ключевые слова: senatus consultum Claudianum, рабство, пекулий, семьи рабов, contubernium, вольноотпущенницы

SLAVES' FAMILIES AND THE SENATVS CONSVLTVM CLAVDIANVM (AD 52)

Maksim V. Durnovo

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00386

Данные об авторе. Максим Владимирович Дурново — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-09-00386 «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

The author regards the *SC Claudianum* (AD 52) as a means serving for the legal formalization of property relations that arose between the master of a slave having a considerable *peculium*, and the family of such a slave in the case when this family included persons of free status. The author concludes that the main objective of the *SC Claudianum* was to protect the property rights of the slave owners, but not their power and authority. Yet it might have dealt with protecting the property rights of the slave owners not over the children of their slaves, but over the *peculia* of the latter. This protection manifested itself in the legitimation of the master's desire to get hold of the offspring and possessions of his slave's family, through changing the legal status of the members of that family.

Keywords: *senatus consultum Claudianum*, slavery, *peculium*, slave families, *contubernium*, freedwomen

Сейчас уже редко встретишь того, кто держался бы мнения, что знаменитый Клавдиев сенатусконсульт 52 г., в силу которого сожительствовавшая с чужим рабом свободнорожденная женщина могла сделаться рабыней или вольноотпущенницей, был издан с целью наказать женщин, дабы те не связывались с кем попало, смешивая свободную кровь с рабской. Если в 1964 г. об этом еще могли писать как о чем-то само собой разумеющемся¹, то уже через несколько лет, после выхода статьи Дж. Крука², подобные взгляды начинают утрачивать актуальность³. С тех пор преобладает точка зрения, согласно которой целью Клавдиева сенатусконсульта была защита интересов рабовладельцев⁴. Однако в том, что именно следует подразумевать под этими интересами, исследователи расходятся.

По мнению Дж. Крука, в основе лежала необходимость «защиты права собственности рабовладельцев на потомство их рабов»⁵, поскольку дети раба и свободной рождались свободными⁶ и поэтому как бы ускользали от хозяина раба.

Яркая особенность концепции П. Уивера состоит в том, что он тесно связывал *SC Claudianum* с *familia Caesaris*: по его мнению, император опасался, что с увеличением количества семейных союзов, заключаемых императорскими рабами со свободными женщинами, привлеченными их обеспеченным положением, будет

¹ Weaver 1964, 138.

² См. Crook 1967.

³ Попытки усмотреть в издании Клавдиева постановления заботу императора об улучшении нравов римского общества (в духе политики Августа), выражавшуюся в преследовании разрушительниц его моральных устоев, встречают вполне резонную критику, например, в недавней книге М. Симониса (Simonis 2017, 179–180). Из дальнейшего также станет ясно, что нормы *SC Claudianum* с их довольно изощренной казуистикой, которая ставила порой саму возможность эффективного применения сенатусконсульта в зависимости от частно-потестарных связей и была проникнута стремлением к согласованию интересов двух сторон, вряд ли могли предназначаться для решения этой благородной государственной задачи.

⁴ См. Willvonseder 2010, 7–8.

⁵ Crook 1967, 7.

⁶ Вследствие того, что с рабом не мог быть заключен законный брак (Paul. *Sent.* II. 19. 6), дети от такого союза рассматривались как внебрачные дети женщины, не имеющие отца, и получали при рождении тот статус, что был у матери (см. Gai. I. 82).

уменьшаться число домородных рабов (*vernae*) в его *familia*⁷. Эта теория, предполагающая, что Клавдиев сенатусконсульт представлял собой попытку специально сохранять *vernae* для *familia Caesaris*, всегда вызывала споры, и в новейшей литературе ей часто отказывают в убедительности⁸, хотя встречаются и сторонники основных ее положений⁹.

С точки зрения Б. Сиркса, основным мотивом принятия SC Claudianum были «сохранение и укрепление уважения и повиновения, которого господа требовали от своих рабов»: сожительство со свободными могло этому повредить и привести к тому, что раб, глядя на свою свободную «жену» и свободных (пусть и незаконных) детей, которые не обязаны выказывать его хозяину никакого уважения, сам станет меньше почитать его и в итоге больше не будет покорен своему господину¹⁰. Критикуя Крука, Сиркс напоминает, что у рабовладельцев не могло быть никаких прав на детей рабов, они были на детей рабынь, и, следовательно, нельзя считать защиту несуществующих прав причиной принятия постановления. Так у Сиркса вместе с растворившимися имущественными правами оказался выплеснут на задворки его концептуальных построений и ребенок как объект притязаний господина.

К. Харпер принимает вывод Сиркса о том, что главной целью SC Claudianum было сохранение власти господина над рабами, однако, по его мнению, это не мешает полагать, что появление постановления было вызвано желанием господина — императора — сделать своими рабами потомство смешанного семейного союза, поскольку наличие свободных детей могло подрывать власть хозяина над его рабом¹¹.

М. Симонис вновь выдвигает на первый план во всей его изначальной чистоте тезис о том, что основной причиной принятия постановления было стремление помочь хозяину не потерять потомство своего раба¹², несмотря на то что Сиркс двенадцатью годами ранее специально подчеркивал: господин имел права на детей своих рабынь, а не рабов¹³, и, следовательно, потомство раба как таковое хозяину не принадлежало.

Итак, мы вкратце изложили основные сохраняющие актуальность в современной литературе теории, призванные объяснить причины принятия и суть Клавдиева сенатусконсульта. С нашей точки зрения, верное объяснение может быть найдено в том случае, если мы будем держать в центре внимания сам предмет регулирования: квазибрачный союз раба и свободной женщины, представляющий собой очень своеобразную социальную и экономическую ячейку. Присмотримся к такой семье, попытаемся разглядеть ее особенности, и, думается, пристальный взгляд сможет выявить сущность тех правовых средств, которые были призваны оформить эти отношения¹⁴.

⁷ Weaver 1972, 165–169.

⁸ Sirks 2005, 145; Mouritsen 2011, 194, n. 331.

⁹ Harper 2010, 626; Kasprzak 2018, 77–80.

¹⁰ Sirks 2005, 145–147.

¹¹ Harper 2010, 626.

¹² Simonis 2017, 181.

¹³ Sirks 2005, 144.

¹⁴ Наше исследование не выходит за рамки классического периода.

Заметим сразу, что предмет нашего интереса составляют те рабы, которые обладали достаточно солидным пекулием. Наличие и приумножение такого пекулия позволяло рабу (каков бы ни был род его занятий) сделаться самостоятельным хозяином — он осуществлял оперативное управление вверенным ему имуществом. При этом отличным средством, стимулировавшим экономическую и профессиональную активность раба и повышавшим его заинтересованность, было позволение ему обзавестись семьей. Пекулий в таком случае составлял материальную основу квазибрачного союза (*contubernium*, сожительства). В Плавтовой «Касине» в качестве аргумента против того, чтобы выдать живущую в доме на положении рабыни Касину «замуж» за раба-оруженосца, приводят то обстоятельство, что у него «в пекулии нет и дрянного гроша» (*peculi nummus non est plumbeus*: Plaut. *Cas.* 258). Этому негодному (*nequam, improbus*: 257) рабу противопоставляется дельный (*servus frugi*: 255), в данном случае вилик (254): выйдя за него, Касина будет хорошо обеспечена (дровами, горячей водой, питанием, одеждой) и сможет вырастить детей (*educat pueros quos pariat*: 256). Как видим, раба с ничтожным пекулием могли счесть незавидной партией даже для рабыни. Если же мы поставим на ее место свободнорожденную, то устойчивый семейный союз (а не просто любовная связь) с рабом, не обладавшим сколько-нибудь приличным состоянием, представляется явлением довольно маргинальным.

Когда раб соединялся в *contubernium* с какой-нибудь хозяйской рабыней, своей *conserva*, никаких юридических проблем не возникало, но вот если ему удавалось прельстить своим завидным достатком небогатую свободную, то ситуация для господина заметно усложнялась, так как сожительство приводило к тому, что раб не мог не расходовать какую-то часть средств из пекулия на содержание не только себя самого, но также «жены» и детей, а они, между тем, имели статус свободных и в состав *familia* господина не входили. Для господина это были имущественные потери, которые он затруднился бы точно подсчитать, а женщина по бедности своей была бы не в состоянии ему возместить. С другой стороны, семейный союз со свободной давал рабу мощный стимул к обогащению (а значит, к обогащению хозяина) в надежде накопить на выкуп: ведь свободная «жена» и дети у него уже имелись, и после выхода из рабства ему лишь оставалось свои семейные отношения официально оформить.

Следовательно, для хозяина раба подобный смешанный семейный союз имел как выгодные, так и невыгодные стороны, и его интерес состоял в том, чтобы воспользоваться выгодами и при этом минимизировать потери. И здесь мы обнаруживаем, что для достижения своей цели господин не имел до 52 г. практически никаких правовых средств. Он мог либо запретить своему рабу сожительство со свободной женщиной, если опасался убытков и сложностей, и таким образом ликвидировать их семейный союз, тем самым сильно демотивировав раба, либо, сделав ставку на мотивацию, терпеть все невыгоды его сожительства с посторонней гражданкой. Регулирование сводилось к использованию простого тумблера: или положение «включить», или положение «выключить». Несомненно, для защиты своих имущественных интересов рабовладельцы нуждались в правовом инструменте, обеспечивающем более тонкую настройку, им и стал принятый в 52 г. по инициативе Клавдия сенатусконсульт.

1. СОЖИТЕЛЬСТВО С РАБОМ ПРОТИВ ВОЛИ ГОСПОДИНА

В каких случаях женщина, сожительствующая с чужим рабом, могла стать рабыней? Наиболее отчетливую формулировку нормы сохранили для нас Сентенции Павла — компиляция, составленная предположительно во второй половине III в. и запечатлевшая в основном позднеклассическое право.

Si mulier ingenua civisque Romana vel Latina alieno se servo coniunxerit, si quidem invito et denuntiante domino in eodem contubernio perseveraverit, efficitur ancilla.

Если свободнорожденная женщина, римская гражданка или латинка, соединится с чужим рабом и если против воли господина и несмотря на его заявление будет продолжать это сожительство, она становится рабыней (Paul. *Sent.* II. 21a. 1).

Сходную формулировку дает в своих «Институциях» Гай при перечислении тех случаев, когда лицо претерпевает наибольшее умаление правоспособности (capitis deminutio maxima).

...<item feminae, quae ex senatus consulto> Claudiano ancillae fiunt eorum dominorum, quibus invititis et denuntiantibus dominis cum servis eorum coierint.

...также женщины, которые в силу Клавдиева постановления сената становятся рабынями тех господ, с рабами которых они сойдутся против воли господ и несмотря на их заявление (Gai. I. 160).

Тертуллиан в трактате «К жене» призывает христианок не заключать браки с язычниками — «рабами дьявола» (diaboli servi), ссылаясь в числе прочего на то, что и у язычников есть обыкновения и правовые установления, ограничивающие брачные связи с чужими рабами или карающие за них.

Nonne insuper censuerunt servituti vindicand[o] qu[i] cum alienis servis post dominorum denuntiationem in consuetudine persevera[re]nt?

Более того, разве сенат не постановил, что следует обращать в рабство тех женщин, которые будут продолжать связь с чужими рабами после заявления господ? (Tert. *Uxor.* II. 8. 1)

Как видим¹⁵, порабощению предшествовала процедура denuntiatio: хозяин раба делал женщине официальное заявление-предупреждение о том, что он против сожительства своего раба со свободной и что ее ожидает обращение в рабство в случае продолжения сожительства. После троекратной denuntiatio, если женщина не прекращала связь, дело завершала adiudicatio — присуждение новоиспеченной рабыни господину раба декретом магистрата (Paul. *Sent.* II. 21a. 17).

Если сожительницей раба оказывалась дочь, состоявшая под отеческой властью (filia familias), и она вступала в contubernium против воли отца или без его ведома (invito vel ignorante patre), ее статус свободнорожденной, несмотря на denuntiatio, измениться не мог, так как действия подвластных не могли ухудшать положение домовладыки (Paul. *Sent.* II. 21a. 9); если же дочь вступала в сожительство с рабом по велению отца (iubente patre), тогда она, следуя общему правилу, могла стать рабыней (Paul. *Sent.* II. 21a. 10). Что касается вольноотпущенниц, то здесь важна была позиция их патронов: если отпущенница действовала с ведома патрона (sciente patrono), все шло по общему сценарию, но если без его ведома

¹⁵ См. также: Ulp. *Tit.* 11. 11; Gai. I. 91.

(ignorante patrono), она становилась вновь рабыней патрона с тем условием, что никогда не получит от него римского гражданства (Paul. *Sent.* II. 21a. 6–7), поскольку такие самовольные действия, ведущие к прекращению права патроната, видимо, рассматривались как неблагодарность по отношению к патрону, каравшаяся посредством *revocatio in servitutem*¹⁶.

Решение провести процедуру *denuntiatio* господин принимал в том случае, если он не соглашался, чтобы его раб сожительствовал со свободной, ни на каких условиях: он желал контролировать семью своего раба как экономическую ячейку totally, заключив ее целиком в границы *familia*. Какого же ответа на эти действия мы можем ожидать от женщины, вступившей в семейный союз с рабом? Думается, немногие свободные гражданки согласились бы продолжать сожительство на таких условиях. Порабощение — акт суровый и, главное, необратимый. Оно могло скорее отпугнуть¹⁷. По-видимому, в большинстве случаев после *denuntiatio* смешанный семейный союз распадался. Зачем же тогда была нужна эта норма? Хозяин ведь мог просто запретить своему рабу сожительство, которое представлялось ему нежелательным. Однако здесь право действовало тоньше. Сожительство не запрещалось господином, формально оно лишь обставлялось условиями, и принятие решения как бы перекладывалось на саму женщину (с учетом воли ее отца, если она была подвластной дочерью): в конце концов, если ее материальное положение было настолько незавидным и их с рабом семья оказывалась настолько крепка, что «жену» не пугало столь серьезное умаление статуса, то господин ведь был совсем не против заполнить новую рабыню.

2. СОЖИТЕЛЬСТВО С РАБОМ С СОГЛАСИЯ ГОСПОДИНА

Если же господин давал согласие на сожительство раба со свободной, SC *Claudianum* готов был предложить решения с правовой точки зрения еще более нестандартные и своеобразные.

Inter quae refert ad patres de poena feminarum quae servis coniungerentur; statuiturque ut ignaro domino ad id prolaps[o] <ae> in servitute, sin consensisset, pro libertis haberentur.

Тогда же он [Клавдий] внес в сенат предложение об установлении наказаний для женщин за сожительство с рабами, и постановили, чтобы женщины, пошедшие на это без ведома господина, попадали в рабство, а если он дал согласие, — считались вольноотпущенницами (Tac. *Ann.* XII. 53)¹⁸.

Сведения Тацита о том, что SC *Claudianum* предполагал переход свободно-рожденной женщины в статус вольноотпущенницы, находят подтверждение в Сентенциях Павла, где мы встречаем упоминание о «дочери, сделавшейся рабыней или вольноотпущенницей в силу Клавдиева постановления сената».

¹⁶ Sirks 2005, 146.

¹⁷ См. также Simonis 2017, 174.

¹⁸ Как сообщает далее Тацит, Клавдий, выступая в сенате, объявил разработчиком проекта постановления своего всесильного клеврета Палланта (конечно, не без похвалы в его адрес), что вызвало у сенаторов пароксизм показного лизоблюдства (сенат раболепно осыпал Палланта похвалами и почестями), столь темпераментно описанный Плинием Младшим (Plin. *Epist.* VII. 29; VIII. 6), однако к содержанию сенатусконсульта эти политические игры отношения не имеют.

Ad filiam ancillam vel libertam ex senatus consulto Claudiano effectam legitima matris intestatae hereditas pertinere non potest, quia neque servi neque liberti matrem civilem habere intelliguntur.

Дочери, сделавшейся рабыней или вольноотпущенницей в силу Клавдиева постановления сената, не может принадлежать по закону наследство не оставившей завещания матери, так как считается, что ни у рабов, ни у вольноотпущенников матери по гражданскому праву нет (Paul. *Sent.* IV. 10. 2).

Перед нами единственный случай в системе римского права, когда кто-либо мог получить статус вольноотпущенника, никогда не быв рабом¹⁹. Однако недавно М. Симонис попытался доказать, что *ingenua*, состоявшая в связи с *servus alienus* с согласия господина, оставалась в прежнем статусе и не становилась *liberta*²⁰. Фразу из Сентенций Павла, в которой идет речь о *liberta ex senatus consulto Claudiano effecta*, он трактует так, что женщина сначала стала рабыней, а впоследствии была отпущена на свободу²¹. В принципе такое понимание текста возможно, но не без натяжки.

Что касается свидетельства Тацита, то давно было замечено: в его рассказе мы находим «*ignaro domino*» там, где в прочих источниках (у юристов, у Тертуллиана) в том же контексте указано «*invito et denuntiante domino*» (и последнее соответствует истинному положению вещей). Тацит почему-то упоминает лишь то, что о сожительстве свободной и раба господину сначала ничего не было известно, хотя это обстоятельство не являлось ключевым условием для изменения статуса женщины, и опускает все дальнейшие, гораздо более существенные, детали: что, когда господин узнал, то смешанный семейный союз он не одобрил (*non consensisset*), произвел *denuntiatio*, и т.д. Мы, конечно, можем говорить о том, что Тацит чересчур лаконичен (помимо прочего, он говорит просто о *servi*, а не о *servi alieni*, которые тем не менее подразумеваются) и порой небрежен в своем рассказе о постановлении²². Однако какого-то кричащего противоречия с текстами юристов здесь, в сущности, нет, и стремление М. Симониса полностью игнорировать сведения Тацита о SC Claudianum, объявив их «ненадежным источником»²³,

¹⁹ Mouritsen 2011, 22.

²⁰ Simonis 2017, 173.

²¹ Simonis 2017, 170.

²² Еще более лаконичен в изложении сенатусконсульта Светоний, который, похоже, перепутал императоров — он пишет о Веспасиане: *Libido atque luxuria coercente nullo invaluerant; auctor senatui fuit decernendi, ut quae se alieno servo iunxisset, ancilla haberetur.* — «Никем не преследуемые, расцвели разврат и роскошь; по его инициативе сенат постановил, чтобы женщина, которая соединится с чужим рабом, считалась рабыней» (Suet. *Vesp.* 11). Подчеркнем, что Светоний — единственный автор классического периода, объяснявший издание сенатусконсульта стремлением восстановить поврежденную нравственность общества: ни у Тацита, ни у Тертуллиана мы этого мотива не находим. Видимо, Светоний имел довольно смутное представление не только о том, кто был инициатором принятия постановления, но и о том, в чем состояла его суть: видя, что речь идет о связях женщин вне брака, писатель ничтоже сумняшеся подогнал сенатское решение под готовый литературный штамп о падении нравов и царящем в римском обществе разврате.

²³ Simonis 2017, 172.

представляется нам не чем иным, как не заслуживающим поддержки гиперкритическим эксцессом.

И все же исследователи не без оснований отмечают, что свидетельство Тацита об этих свободнорожденных вольноотпущенниках «остается несколько загадочным»²⁴. Загадкой становится даже простой вопрос, для чего было нужно делать сожительницу раба отпущенницей его хозяина.

Б. Сиркс, следуя своей теории, согласно которой целью принятия сенатусконсульта было сохранение и укрепление уважения и повиновения, требовавшегося от рабов по отношению к господам, находит ответ в том, что «жена» раба, став вольноотпущенницей, будет обязана выказывать уважение своему патрону, и ее сожитель не станет пренебрежительно относиться к своему господину²⁵. Критику этого предположения мы изложим ниже (см. п. 3), а сейчас обратимся к теории, выдвинутой Х. Моуритсеном. В Клавдиевом постановлении он видит попытку нейтрализовать конфликт между гендером и статусом, приблизив по статусу друг к другу двоих участников семейного союза: мужское начало рассматривалось как доминирующее, для отпущенницы жить с рабом было не так позорно, как для свободнорожденной, и следовательно, низведение женщины до положения вольноотпущенницы парадоксальным образом могло помочь восстановить ее честь, сблизив статусы обеих сторон²⁶. Однако господину не было никакого интереса изменять статус сожительницы раба с той целью, чтобы ей было не так стыдно. Получается, что только сама женщина была заинтересована в такой перемене, а это прямо противоречит Тациту, который недвусмысленно дает понять, что изменение статуса происходило не в интересах женщины.

Чтобы найти ответ на поставленный вопрос, вспомним, что статус вольноотпущенницы мыслился как совокупность двух составляющих: права патроната и строгой опеки, так называемой опеки «по закону» (*tutela legitima*); *patronus* и *tutor legitimus* соединялись в одном лице. Издревле действовала норма, согласно которой имущество вольноотпущенницы после ее смерти целиком переходило к патрону или его сыновьям, внукам и т.д., составить завещание без разрешения своего опекуна и патрона она не могла (*Gai. I. 165; III. 43, 45*).

Таким образом, цель перехода «жены» раба в статус вольноотпущенницы по Клавдиеву сенатусконсульту состояла, видимо, в том, чтобы предоставить господину определенные права на ее имущество, так как после смерти женщины, ставшей отпущенницей, все ее имущество должно было перейти к ставшему теперь ее патроном хозяину раба или к его потомкам. Средства, израсходованные рабом из своего пекулия на содержание семьи, столь своеобразно возвращались обратно к господину.

Еще при Августе по *lex Papia Poppaea* вольноотпущенникам было даровано так называемое *ius quattuor liberorum* (по образцу *ius trium liberorum* для свободнорожденных), которое предусматривало, что отпущенница, родившая четверых детей, освобождалась от опеки патрона и могла свободно составлять завещание

²⁴ Masi Doria 2013, 163.

²⁵ Sirks 2005, 147.

²⁶ Mouritsen 2011, 22, n. 70; 44; вслед за ним: Perry 2014, 137, n. 29.

(Gai. I. 194; III. 44). При этом закон предписывал, чтобы патрону следовала доля, пропорциональная числу детей отпущенницы, оставшихся в живых на момент ее смерти: если были живы четверо, то он получал пятую часть, если трое — четвертую, и т.д., а если все уже умерли, то все наследство (Gai. III. 44). Однако остается неясным, когда для получения женщиной *ius liberorum* стали учитываться ее внебрачные дети²⁷. Как бы то ни было, господин получал если не все наследство сожительницы раба, ставшей отпущенницей, то его часть.

Далее, мы не можем не задаться вопросом, каков был правовой механизм, при помощи которого свободнорожденная переходила на положение вольноотпущенницы. К порабощению женщину приводила процедура *denuntiatio* и *adiudicatio*. А что делало ее отпущенницей? И обязательно ли сожительствующая с рабом *ingenua* должна была стать *liberta*, после того как был введен в действие SC Claudianum? Была ли у нее возможность сохранить прежний свой статус?

Гай в «Институциях», рассматривая случаи нарушения нормы *ius gentium*, согласно которой, если один из родителей свободный, а другой — раб, то ребенок «следует статусу матери», сообщает следующее.

Ecce enim ex senatus consulto Claudiano poterat civis Romana, quae alieno servo volente domino eius coit, ipsa ex pactione libera permanere sed servum procreare: nam quod inter eam et dominum istius servi convenerit, ex senatus consulto ratum esse iubetur. Sed postea divus Hadrianus iniquitate rei et inelegantia iuris motus restituit iuris gentium regulam, ut cum ipsa mulier libera permaneat, liberum pariat.

Так, в силу Клавдиева постановления сената римская гражданка, которая сошлась с чужим рабом с одобрения его господина, могла сама по соглашению оставаться свободной, но родить раба; ведь то, что между нею и господином этого раба будет условлено, по данному сенатскому постановлению официально признается имеющим юридическую силу. Но впоследствии божественный Адриан, возмущенный несправедливостью такого положения и несообразностью права, восстановил норму всеобщего права, так что женщина, поскольку сама остается свободной, рождает свободного (Gai. I. 84).

Здесь речь идет о том, что господин раба и женщина могли заключить соглашение (*pactio*) относительно будущего статуса ее детей от раба: Клавдиев сенатусконсульт придавал юридическую силу таким договоренностям. Таким образом, женщина могла остаться свободной, а ее ребенок — стать рабом господина ее сожителя. Перед нами компромиссное решение, учитывавшее интересы как хозяина раба, так и женщины²⁸. Возможность заключения подобной *pactio*, которая в иных случаях считалась бы недействительной²⁹, была, очевидно, предусмотрена в сенатусконсульте. Гай сосредоточивает внимание на такой *pactio*, которая касалась статуса детей, потому что его целью было проиллюстрировать отклонение от вышеупомянутой нормы *ius gentium*. Однако из его слов (*quod*

²⁷ См. Gardner 1998, 266.

²⁸ Herrmann-Otto 1994, 31.

²⁹ Callistr. *Quaest.* 2: D. 40. 12. 37: *Conventio privata neque servum quemquam neque libertum alicuius facere potest.* — «Частное соглашение не может никого сделать ни чьим-то рабом, ни чьим-то вольноотпущенником».

inter eam et dominum istius servi convenerit, ex senatus consulto ratum esse iubetur) следует, что между женщиной и господином раба могли быть и другие договоренности, то есть, видимо, касающиеся статуса самой женщины. Адриан лишил силы только те *ractiones*, которые предусматривали, что ребенок свободной рождается рабом; иные же могли заключаться беспрепятственно. Заключая такую *ratio*, напоминающую брачный контракт, с женщиной, господин обязывался, во-первых, не препятствовать своему рабу сожительствовать с нею и, во-вторых, не покушаться на ее статус свободной (таким образом, она ex *ractione libera permanet*, как мы читаем у Гая). Уже давно было высказано предположение, что переход свободнорожденной на положение вольноотпущенницы тоже оформлялся посредством подобной *ratio*³⁰.

Соглашения, приобретавшего юридическую силу ex *senatus consulto Claudiano*, скорее всего, было достаточно для того, чтобы женщина перешла под патронат хозяина раба. Вслед за этим, для того чтобы поменять опекуна, т.е. сделаться подопечной хозяина своего сожителя, ей надлежало совершить фидуциарную коэмпцию, в результате которой господин раба, видимо вследствие того, что он считался теперь в силу *ratio* патроном женщины, приобретал статус *tutor legitimus*. Для совершения фидуциарной коэмпции, конечно, необходимо было одобрение со стороны прежнего опекуна (*tutoris auctoritas*, см. Gai. I. 115), однако в классический период дававшаяся совершеннолетней женщине опекуном авторизация, если она требовалась не от *tutor legitimus*, зачастую была лишь формальностью, а кроме того, опекун мог быть принужден претором дать авторизацию и против своей воли (см. Gai. I. 190).

Таким образом, если господин давал свое согласие на сожительство раба со свободной, SC *Claudianum* изначально предоставлял ему возможность заключить с «женой» раба такое соглашение относительно будущего статуса ее самой и ее детей, которое бы создавало наиболее выгодную для него конфигурацию с учетом интересов женщины. Из текста Гая (I. 84) неясно, становится ли женщина отпущенницей или сохраняет статус свободнорожденной в том случае, если статус рабов должны получить ее дети (обязательно ли все, или в *ratio* можно было оговорить какое-то их число?). Думается, все эти статусные изменения могли становиться предметом соглашения в самых различных комбинациях до вмешательства Адриана, который пресек практику рождения рабов свободными женщинами.

Поскольку *ratio* — это частное соглашение, то она могла и вовсе не заключаться, если хозяин раба не изъявлял желания ее заключить: скажем, его и так все устраивало, и он был склонен смотреть сквозь пальцы на сожительство своего раба со свободной, не тревожась ни о каких сопутствующих имущественных потерях. В этом случае, конечно, женщина сохраняла статус свободнорожденной. Эпиграфический материал, подтверждающий бытование таких семейных союзов, собрал М. Симонис³¹.

³⁰ См. Weaver 1964, 138; Albanese 1979, 21, n. 13; 56, n. 191.

³¹ Simonis 2017, 173–174.

Обратим внимание также на любопытный казус, который рассматривает Павел в своих *Responsa*.

Lucius Titius cum haberet filiam in potestate Seiam, Pamphilo servo alieno in matrimonium collocavit, cui etiam dotem dedit, quam sub titulo depositi in cautionem contulit, et postea nulla denuntiatione a domino facta pater decessit, mox et Pamphilus servus: quaero, qua actione Seia pecuniam petere possit, cum ipsa patri heres extiterit. Paulus respondit, quoniam dos constitui non potuit, ex causa depositi actione de peculio pecuniam repetendam.

Луций Тиций, когда его дочь Сея состояла под его властью, выдал ее замуж за чужого раба Памфила, коему также дал приданое, которое внес в расписку под видом поклажи, и впоследствии — никакого заявления о порабощении господин не сделал — отец скончался, а затем и раб Памфил; хотелось бы узнать, посредством какого иска Сея может истребовать деньги, потому что наследницей отца стала она. Павел ответил: так как приданое не могло быть назначено, деньги следует истребовать по иску в объёме пекулия на основании поклажи (Paul. *Resp.* 7: D. 16. 3. 27).

Интересно уже само по себе то, что отец выдает дочь «замуж» за раба (здесь *contubernium* описан как *matrimonium*) и даже дает «приданое». В подобном случае — *iubente patre* — *denuntiatio* хозяина раба, как мы помним, могла привести к порабощению женщины, если она продолжала сожительство. Однако господин *denuntiatio* не сделал. Женщина, живя с рабом, оставалась подвластной своего отца, а после его смерти стала самовластной и унаследовала его имущество. Скорее всего, в семейные отношения раба его хозяин здесь вообще не вмешивался и за помощью к Клавдиеву постановлению не обращался, вследствие того что за женщиной было дано «приданое»³².

Наконец, можно представить себе ситуацию, когда свободная, проживая с рабом в *contubernium*, содержала себя и детей полностью за свой счет (пекулий ее «мужа» тут мог быть совсем незначительным) и компенсировала (отрабатывала) занимаемую ею «жилплощадь». Тогда для применения Клавдиева сенатусконсульта, по нашему мнению, просто не было причины.

Справедливо отмечалось, что в случае SC Claudianum речь идет о «Kann-Bestimmung», а не о «Muss-Bestimmung»: господин мог не воспользоваться постановлением и «полностью принять эти отношения»³³. Клавдиев сенатусконсульт, предоставляя женщине возможность продолжать сожительство с рабом, позволял господину устанавливать своеобразные пени статусного характера в свою пользу (вплоть до порабощения), и решение, прибегать ли к сенатусконсульту или нет, зависело от его желания и расчета.

Здесь можно было бы перейти к изложению итоговых результатов нашего исследования, если бы не один особый случай, требующий разъяснения.

³² Как замечает А. Уотсон, так называемый *depositum irregulare*, форму которого, по его мнению, принимает здесь приданое, предполагал, что депозитарий действует безвозмездно, а все доходы от использования сданных на хранение денег причитаются только депоненту, т.е. в данном случае отцу с дочерью (Watson 1991, 136). Такой правовой режим «приданого» соответствовал той цели, ради которой оно давалось «мужу»-рабу: обеспечить его свободную «жену» и детей.

³³ Simonis 2017, 167, 180.

3. СОЖИТЕЛЬСТВО С РАБОМ ПАТРОНА ПРОТИВ ВОЛИ ГОСПОДИНА

Liberta servi patroni contubernium secuta etiam post denuntiationem in eo statu manebit, quia domum patroni videtur deserere noluisse.

Вольноотпущенница, вступившая в сожительство с рабом патрона, даже после заявления останется в этом статусе, так как ясно, что она не хотела покинуть дом патрона (*Paul. Sent. II. 21a. 11*).

Итак, отпущенница вступает в *contubernium* с рабом своего патрона. Патрон как господин не дает согласия на сожительство раба с нею как со свободной, при этом он готов принять это сожительство, вновь сделав отпущенницу своей рабыней посредством *denuntiatio*. Однако его заявление не дает эффекта: закон не позволяет в данном случае изменить статус женщины, даже если она на это была бы согласна. Почему?

По мнению Б. Сиркса, понижать статус женщины не требуется, поскольку она как вольноотпущенница уже находится под властью (*unter der Gewalt*) своего патрона и поэтому обязана выказывать ему уважение, так же, как и раб, ее сожитель³⁴. Сиркс считает, что «под “домом” подразумевается личноправовая власть господина, которую он осуществляет по отношению к отпущеннице посредством опеки и патроната»³⁵, и «если бы она эту власть покинула, тогда она была бы обращена в рабство»³⁶ (последнее утверждение основывается на *Paul. Sent. II. 21a. 6–7*; см. выше, п. 1).

В итоге у Сиркса выходит так, что если раб сожительствует со свободнорожденной, этот союз может привести его к неповиновению хозяину, а если та же гражданка будет низведена до статуса отпущенницы его господина, то никаких негативных последствий подобного рода не возникнет. Но раб и без того был всецело в господской власти! Если бы хозяина в случае сожительства его раба со свободнорожденной беспокоило неповиновение раба, то он мог бы решить проблему проще: пригрозить рабу, что запретит ему сожительствовать с этой женщиной, и, думается, тот, опасаясь потерять свою семью, стал бы вести себя подобающим образом. Поэтому нам представляется, что с точки зрения обеспечения повиновения раба переход его «жены» на положение отпущенницы (а также и рабыни) не мог стать столь необходимым. Другое дело — трудноконтролируемые и практически неустраимые имущественные потери господина, своего рода неизбежный побочный эффект такого сожительства. Именно они, как мы попытались показать выше, были причиной статусных изменений.

К рассмотрению проблемы обратилась недавно К. Мази Дориа. Однако она не высказывает определенно своего мнения по вопросу о цели принятия (т.е. о сущности) Клавдиева сенатусконсульта, а также следует ошибочному суждению Т. Моммзена³⁷, согласно которому раб в *Paul. Sent. II. 21a. 11* не считался за чужого (*alienus*), и поэтому остается неясным, как ее выводы соотносятся с актуальным состоянием проблемы: по мнению исследовательницы, закон

³⁴ Sirks 2005, 147.

³⁵ Sirks 2005, 146.

³⁶ Sirks 2005, 147.

³⁷ См. Mommsen 1899, 854, Anm. 8.

предписывал в данном случае, чтобы отпущенница не становилась вновь рабыней, потому что представленная в § 11 ситуация, оставаясь в рамках *domus*, «существенно не нарушала считавшиеся нормальными социальные отношения», связанные с «уважением» к семьям, возникавшим в рабской среде³⁸.

С нашей точки зрения, специфика ситуации, лежащей в основе § 11, в ее социальном аспекте состоит в том, что бывшая рабыня, которой после освобождения судьба не сулила ни брака (во всяком случае прочного) со свободным, ни достатка, необходимого для независимой жизни, вступает в сожительство с кем-то из своих более-менее состоятельных бывших *conservi*.

По древнему обычаю патрон должен был помогать материально своему вольноотпущеннику, который нуждался; отказ во вспомоществовании рассматривался как нарушение обязанностей патрона³⁹ и приводил к утрате прав на отработки и на наследство отпущенника в силу закона Элия—Сенция (*Modest. Manumis.*: D. 25. 3. 6 pr.; 38. 2. 33).

Вероятно, отказ патрона дать согласие на семейный союз своей отпущенницы и своего раба рассматривался как отказ в помощи и содействии отпущеннику, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, отказ, недостойный хорошего патрона. Таким образом, здесь право как бы принимает сторону отпущенницы, и *denuntiatio* не дает эффекта. По всей видимости, юриспруденция стоит на той позиции, что господин в подобных обстоятельствах должен терпеть негативные для него последствия сожительства, поскольку «жена» раба в данном случае и ему не чужая, и он, исполняя свои обязанности патрона, должен оказывать ей поддержку (фраза об отсутствии у отпущенницы стремления покинуть дом патрона была призвана подтвердить: наказывать ее порабощением не за что). Разумеется, никакой закон не мог принудить господина терпеть само это сожительство, и хозяин мог в принципе запретить рабу продолжать его, тем самым наверняка лишая средств к существованию отпущенницу, однако столь жесткое отношение к ней, вероятно, рассматривалось как нарушение им своих обязанностей патрона, ведущее к утрате прав на наследство. Следовательно, дать свое согласие на этот семейный союз считалось для хозяина «мужа» и патрона «жены» единственным достойным решением.

Подводя итоги, вернемся к тому обзору мнений, с которого мы начинали эту статью. На наш взгляд, ближе к истине те, кто полагал, что основная задача SC *Claudianum* заключалась в охране имущественных прав рабовладельцев, а не их власти и авторитета. Однако речь должна была идти о защите прав рабовладельцев не на детей (поскольку таких прав у них действительно не было), а на *некулии* их рабов. Выражалась эта защита в признании обоснованным стремления господина завладеть потомством и имуществом семьи своего раба, а осуществлялась она посредством изменения правового статуса членов этой семьи.

³⁸ Masi Doria 2013, 174–177.

³⁹ Albanese 1979, 95.

Литература / References

- Albanese, B. 1979: *Le persone nel diritto privato romano*. Palermo.
- Crook, J. 1967: Gaius, Institutes, I. 84–86. *Classical Review* 17, 7–8.
- Gardner, J. 1998: *Family and familia in Roman Law and Life*. Oxford–New York.
- Harper, K. 2010: The SC Claudianum in the Codex Theodosianus: Social history and legal texts. *Classical Quarterly* 60/2, 610–638.
- Herrmann-Otto, E. 1994: *Ex ancilla natus: Untersuchungen zu den 'hausgeborenen' Sklaven und Sklavinnen im Westen des römischen Kaiserreiches*. Stuttgart.
- Kacprzak, A. 2018: Servus ex libera natus: Überlegungen zum senatusconsultum Claudianum. In: I. Fischer, D. Feichtinger (Hrsg.), *Sexualität und Sklaverei*. Münster, 63–82.
- Masi Doria, C. 2013: 'Ancilla efficitur'... 'in eo statu manebit': Le conseguenze del SC. Claudianum per le donne di status libertino. In: R. Rodríguez López, M.J. Bravo Bosch (eds.), *Mulier. Algunas historias e instituciones de derecho romano*. Madrid, 157–178.
- Mommsen, T. 1899: *Römisches Strafrecht*. Leipzig.
- Mouritsen, H. 2011: *The Freedman in the Roman World*. Cambridge–New York.
- Perry, M. 2014: *Gender, Manumission, and the Roman Freedwoman*. New York.
- Simonis, M. 2017: *Cum servis nullum est conubium: Untersuchungen zu den eheähnlichen Verbindungen von Sklaven im westlichen Mittelmeerraum des Römischen Reiches*. Hildesheim–Zürich–New York.
- Sirks, A.J.B. 2005: Der Zweck des Senatus Consultum Claudianum von 52 n. Chr. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 122, 138–149.
- Watson, A. 1991: A slave's marriage: dowry or deposit. *Journal of Legal History* 12/2, 132–139.
- Weaver, P.R.C. 1964: Gaius I. 84 and the S.C. Claudianum. *Classical Review* 14, 137–139.
- Weaver, P.R.C. 1972: *Familia Caesaris: A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves*. Cambridge.
- Willvonseder, R. (Bearb.) 2010: *Corpus der römischen Rechtsquellen zur antiken Sklaverei. IV. Stellung des Sklaven im Privatrecht. 1. Eheähnliche Verbindungen und verwandtschaftliche Beziehungen*. Stuttgart.